

Казбек Туаев

*Сталинградские
новеллы*

Казбек Туаев

Сталинградские новеллы

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Туаев К.

Сталинградские новеллы / К. Туаев — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2023

ISBN 978-5-907694-67-5

Эта книга рассказывает о ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, когда каждый человек должен был сделать свой тяжёлый выбор. О детях войны, которые при этом не переставали радоваться, восхищаться и любить. О том, как люди помогали друг другу в своём бесконечном стремлении выжить.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-907694-67-5

© Туаев К., 2023
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2023

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Казбек Туаев

Сталинградские новеллы

Эти печальные повести посвящают всем женщинам, жившим и живущим по обе стороны этой великой трагедии – кровопролитной войны 1939–1945 годов. Милые женщины, помните об этих человеческих жертвах и никогда больше не посылайте на войну своих мужей, сыновей и внуков!

kazbek-tuaev@mail.ru

© Казбек Туаев, 2023

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2023

От автора

Я сын репрессированного, а затем посмертно реабилитированного «врага народа». Врожденный, то есть наследственный, крещенный по вере евангельский христианин-баптист. Считаю себя «участником» или «соучастником» Великой Отечественной войны. При окончании, а скорее всего, для окончания средней школы автоматически попал в комсомол (коммунистический союз молодежи, ну, это как бы собрат гитлерюгенда...). Одумавшись, сжёг свой комсомольский билет. В коммунистическую партию тянули, но не смогли затянуть. Трудовую деятельность начал в семнадцать лет на каменоломне «Ушосдора» (Управление шоссейных дорог, не знаю, какого Министерства СОАССР). Студент горного техникума, затем горного института. Машинист скрепера золотодобывающего рудника. Бурильщик-проходчик там же. Золотой прииск «Юбилейный» (Оймяконский район, Якутия) «Дальстроя» (Индибирское горно-промышленное управление). Горный мастер, начальник смены, начальник промывочного прибора.

Ученик столяра-краснодеревщика, плотник, строитель, асфальтировщик, студент Ташкентского торгово-кооперативного техникума, рабочий склада готовой одежды, экспедитор, товаровед, старший товаровед, заведующий магазином, директор универмага, директор торгового центра. Бизнесмен, владелец частной фирмы «Казбек». Пенсионер. Проповедник баптистской церкви. Писатель (русский, английский, осетинский языки). Член двух американских союзов по писательским делам. Эмигрант-иммигрант. Муж, отец, дед...

Ну, что ещё?! Могу делать всё: управлять домом, хозяйством, лошадью, велосипедом, мотоциклом, автомобилем, бульдозером, экскаватором, танком... Самолётом не пробовал, но, думаю, смогу взлететь, а вот сяду ли? В этом не уверен. Знаю компьютер.

Жду смерти и обдумываю, что я скажу Богу при встрече с Ним. Вот они – ступени моего роста и падения, остальное надо читать между строк.

А вот и география моя: Осетия, Грузия, Кабарда, Якутия, Таджикистан, Узбекистан, Калифорния, Флорида, опять Калифорния, Гавайские острова и опять Флорида. Конечный мой пункт будут определять уже без меня... Да, забыл упомянуть – ни в одной партии не состоял, но в конце жизни все-таки меня затянули в Республиканскую партию США.

Предисловие

Недавно я прочёл одну вещь Виктора Некрасова, которую он написал в 1946 году в жанре «роман» и назвал «Сталинград». Она в писательских кругах вызвала бурю отрицательных эмоций, её не ругал и не охаивал разве только ленивый. Чего только не делают зависть и ревность. Перед печатью (так получилось, что не напечатать её не могли) её даже понизили в ранге и обозвали повестью, присвоив ей менее звучное, местечковое название – «В окопах Сталинграда». Но, в подтверждение русской народной пословицы о горшке и печи, это произведение не попало в печь, и так случилось, что её совершенно случайно прочёл товарищ Сталин. После этого те же самые хулители срочно выдали автору Сталинскую премию, тем самым признав свою идентичность с тем животным, имя которому хамелеон.

Я эту «психологическую повесть» читал спустя 68 лет после её написания, и она у меня тоже вызвала массу эмоций, воспоминаний и аналогий. Иногда в жизни так случается, что чей-то незнакомый голос, лицо случайного прохожего или кем-то оброненное слово переносят тебя в далёкое прошлое, и на тебя вдруг нахлынет поток воспоминаний. И не всегда такого рода ностальгия бывает манной небесной, но всегда заставляет обновить в памяти кое-какие события. Перебираю в уме живых участников этого «окопного романа», их характеры и нравы и самопроизвольно вплетаю в их судьбы куски, вырванные из моей памяти. Очень даже понимаю, что я далеко не Виктор Некрасов, но тем не менее уже представляю, куда будут задвинуты мои новеллы... Ведь я, как и он, не кончал тех литфаков, где учат на писателей и где выдают соответствующие корочки.

Глава 1

Переправа через Волгу

Был у меня друг, товарищ, с которым нас связывали общие производственные интересы и который был непосредственным участником тех сталинградских батальонов, где он оставил одну ногу взамен многих орденов и медалей. Человек по всем статьям положительный (и пусть читатель мне простит, но как упустить возможность и не похвалить себя?) – с иными я не дружу.

Так вот, если об Арсене сказать, что он был законопослушным человеком, то это просто ничего не сказать, он был законником во всех смыслах этого слова. Он поднялся почти на самую высшую иерархическую ступень правоведения. Начиная с нуля, он добрался до самых высоких и ответственных должностей. Прокурор одной из древнейших областей Советского Союза, заслуженный юрист, советник юстиции, не знаю, какие там бывают ранги, но самого высокого... Но какие бы должности человек не занимал, если он мужчина, то в нём прежде всего будут превалировать мужские качества. Пусть он к тому времени уже был в возрасте, потерял былые возможности, но мужчина, если он когда-то им был, – навсегда останется мужчиной, пусть даже и в душе.

И у Арсена временами появлялась потребность вспомнить свои прошлые мужские заслуги. Он время от времени осторожно приоткрывал дверь в прошлую жизнь и так же осторожно впускал кислород для исцеления своих старых душевных ран. Как бывалый вояка, потерпевший и натерпевшийся, повидавший много чего, он мне, как менее искущённому, иногда поверял свои душевные тайны, и не то чтобы раскрывал все секреты, нет, просто отдельные эпизоды, наиболее волнующие его и требующие, по его мнению, частичного исповедания. А исповедь, если кому-то кажется, что бывает только перед священнослужителем, то он глубоко ошибается.

Исповедь – это потребность человека облегчить давление на свою душу накопившихся негативных эмоций и чувств.

Человек время от времени должен изливать свою душу (например, как тот же самый компьютер периодически требует очистки от «шлаков»), а делать это самостоятельно не может, такова его природа. Для этого нужен другой человек – собеседник или слушатель, живой участник этого сложного и ответственного действия. А как нам известно, любой акт подразумевает или требует присутствия нескольких участников.

Так вот, иногда, расслабившись, он позволял себе кое-какие откровения и при этом смотрел мне в глаза, как бы проверяя мою реакцию. До сих пор не могу понять, зачем это ему нужно было, ведь я в этих делах ни при каких обстоятельствах не мог быть для него ни прокурором, ни судьёй, ни адвокатом – всё как раз было наоборот! Но это де-юре, как говорят, а де-факто мы были хорошими приятелями, а наши связи настолько близкими, что некоторые из сторонних наблюдателей считали нас родственниками.

Однажды, в конце шумного праздничного дня, мы сидели под виноградником, столы ещё не были убраны, гости разбрелись по разным углам. Кто-то гулял по саду, кто-то плескался в бассейне после изнурительной ташкентской духоты. Мы с Арсеном расположились подальше от женского визга и брызг и вели обыкновенный разговор о том о сём. Был праздник 9 Мая, День Победы, который в Узбекистане к тому времени не то чтобы отменили (таких официальных постановлений не было), но фактически был сведён на нет. Прежних парадов, салютов и фейерверков давно уже не было. Так, кое-где ещё допускали стихийные местечковые торжества, организованные самими же ветеранами войны, где их и поздравляли разные комитеты и общества. Мой друг всё это, конечно же, знал и в душе, разумеется, осуждал, но как официальный представитель власти и вообще законопослушный человек открыто не выражал своё

несогласие с такой политикой. Обычно он отмалчивался и ограничивался какими-нибудь междометиями. Но сегодня на него нашло – то ли под влиянием выслушанных поздравлений, то ли под воздействием им же самим принесённого армянского коньяка, – и он начал барабанить пальцами по столу, что означало крайнее нервное возбуждение.

Наконец, сделав небольшую паузу, он произнёс:

– Говнюки они все! Вот посидели бы там под Сталинградом в окопах между жизнью и смертью, тогда бы не отнимали у нас этот праздник! Сижу я вот здесь, а мне всё мерещится, что я лежу на той влажной траве... Ночь, предо мной бескрайнее серое зеркало воды, которое время от времени озаряется разноцветными всполохами ракет, снарядов и бомб. Казалось, небо, земля и вода слились в нечто единое и образовали тот вечный неуправляемый хаос, который существовал до сотворения мира. Ты же знаешь, что я атеист, но в этом случае нет более подходящего варианта, чем цитировать Библию, как-никак я же родился в православной семье, и в нашем доме Библия была настольной книгой. Так вот, немцы почти захватили Сталинград, рвались к Волге и через Волгу. А здесь, на левом берегу, формировались наши резервные войска и частями переправлялись на противоположный берег. Слово «переправлялись» тут использовано символически, так как нормальной переправы как таковой не было и не могло быть по объективным причинам. Моторные лодки, катера, баржи, плоты, плоскодонки и прочие «плавсредства» из бочек и гнилых деревьев вместе с плавающим мусором прибывало к берегу искусственными волнами. В это же время другие загружали в баржи пушки, снаряды и прочее и делали очередную попытку перебраться на правый берег. Разумеется, вражеские отряды тоже предпринимали такие же попытки и трудно было понять, удалось ли кому-то из них добраться до цели или нет. Люди тонули, кое-кто цеплялся за коряги и обломки ящиков, всё кишело, как в муравейнике. И поди определи, кто куда плывёт, кто свой, а кто чужой! Во время очередного всполоха от нефтяного костра можно было кое-что разглядеть и отстреляться от немецких надувных лодок,седающих на наш берег. Иногда луч прожектора помогал нам разобраться в ситуации и принять соответствующие меры. В этой кромешной тьме и неразберихе трудно было определить, кто есть кто. Но, однако, я тебе скажу...

Мой собеседник умолк, поразмышлял, стоит ли продолжать дальше или нет, наконец, решившись на отчаянный шаг – была ни была, – он произнёс, как бы ступив на минное поле:

– Обстановка была очень тяжёлая, и если кто-то скажет, что было не страшно, то он просто балаболка. Правильнее будет сказать, что нам некогда было бояться, да и кого ещё бояться, если в любую минуту тебя могла настичь смерть?! Но, однако же, у нашего «особого отряда» и задача была особая, мы должны были выполнять «специальное задание»!

Он понизил голос, посмотрел по сторонам, будто мы разведчики и находимся в окружении немцев, и тоном, который я никогда раньше у него не замечал, он произнёс, как бы оправдываясь:

– Понимаешь, был такой приказ... времена были такие, надо было поддерживать порядок и дисциплину... Мы должны были расстреливать паникёров и трусов, пытавшихся бежать с передовой линии!.. Некогда было разбираться в тонкостях человеческих душ, надо было «тушить пожар», а при пожаре дороги и каждая минута, и каждое ведро воды, и горсть песка, брошенные в огонь. Вот и у нас тоже, и у них, и у тех, которые руководили фронтами и армиями, не было возможности спрашивать каждого труса: «Почему ты бежишь с поля боя?». И хорошо, что ты не знал того Сталинграда, который знаю я! Для большинства из вас это лишь сомнительные лозунги «Россия – Сталин – Сталинград» или красивые мемориальные комплексы наподобие Мамаева Кургана. Вы просто не представляете того настоящего, живого Сталинграда, для которого это прилагательное через час, неделю или месяц могло смениться на совсем противоположное, и тогда это звучало бы как «Мёртвый Сталинград». И слава Богу, что вы всего этого не видели, порой человеку выгоднее не знать кое-какие грязные закоулки жизни, для кого-то же должна жизнь оставаться светлой и прекрасной! Именно для этого,

пусть и будет пафосно сказано, наше поколение претерпело такие великие муки. И легче всего, конечно, нас осуждать: не так поступали, не того расстреляли! Но, однако, эта переправа, у которой я лежу вот уже несколько дней, была единственной «воронкой», которая связывала Азию с Европой, и именно здесь решалась судьба каждого из нас, пусть даже не все мы об этом думали; решалась судьба России и всего мира. В то время, когда европейская часть страны была охвачена огнём, вся остальная Россия, поднявшаяся на помощь своим братьям, столпилась здесь, у «переправы», и именно здесь решалась судьба планеты – ступит ли нога завоевателя на азиатскую землю или нет? А ты, я вижу, тоже кривишь свою морду, ну как же, твой друг расстреливал бедных «предателей» и «трусов»... Ну да, вы все святые, с чистыми руками и чистой совестью! А ты знаешь, что иногда убить человека бывает труднее, чем быть убитым самому? Не знаешь? А я знаю! И вот представь себе – в этом великом столпотворении пришла долгожданная баржа, прицепленная к какому-то катеру, больше похожему на грудку движущегося металлолома, и все устремились навстречу ей, затаскивают пушки, пулемёты, ящики с боеприпасами, упирающихся лошадей, короче, народ валит валом на помощь попавшим в беду братьям и сёстрам... И вдруг ты замечаешь, как в этой суматохе и толкотне кто-то тащит лошадь за узду в обратную сторону и, пользуясь всеобщим переполохом, пытается бежать, спасая свою шкуру, да не один, а прихватив с собой ещё и столь важное «транспортное средство»! Ты что будешь делать? Опять не знаешь? Аян тогда знал, и сейчас знаю, что надо делать с такими людьми! Вот такой у тебя друг, и делай с ним, что захочешь...

Он смотрел на меня в упор, не моргая, и, казалось, не дышал; временами отворачивался и говорил будто сам с собой или с невидимым собеседником. Он говорил о вероломности врага, о чьей-то доверчивости, о долге каждого командира и воина, а я невольно представлял себе того молодого парня, который никогда до этого не слышал выстрела и вдруг попал в такой ад! И буду я до конца своей жизни думать о нём и спрашивать себя: кто же он всё-таки – невинно убиенный или заслужил эту кару? Таких парней, конечно, было немало, и правда ли то, что они не знали, от кого и зачем бегут? Разумеется, у каждого из них в деревне были родители, любимые девушки, но я убеждён, что в тот момент они думали не о них и даже не о себе, они ни о чём не думали. Они просто поддались сиюминутной слабости, неуправляемому психологическому стрессу и были подкошены злым роком.

Вот давайте теперь и рассудим, что же это такое и кто он на самом деле этот «злой рок»? Сидит вот предо мною живая, неотъемлемая частица этого «рока», и он тоже не может ответить на все эти вопросы. Такова стоимость наших жизней: того парня, который так и не понял, что произошло; его «убивца», всю оставшуюся жизнь страдающего в оболочке строгого и справедливого прокурора; и моя жизнь, добровольного посредника между ними, пытающегося разобрататься в чём-то. И что есть жизнь вообще? И чем отличаются друг от друга все эти живые существа – звенья той таинственной цепи, которая объединяет паукообразных банкиров, не менее жадных политиков, безмозглых вождей и их жертв и нас, летописцев, оставляющих свои каракули на пергаменте?

Я, например, знал своего друга как доброго и справедливого человека, знал, что он участник Сталинградской битвы, я знал о нём очень много, но в таких подробностях о своей фронтовой жизни он мне никогда не рассказывал. Поэтому я был очень удивлён, растерян и не знал, как эту информацию переработать. Воистину, чужая душа – потёмки!

Некогда я очень интересовался этим варварским приказом НКО № 227 ^{от} 28 июля 1941 года. Заинтересованные лица этот приказ замалчивали до последнего, поэтому глубоких исследований по этому поводу не было. Много лет я рассуждал об этом, как об абстрагированном для себя факте, случившемся когда-то и где-то; неоднократно слышал об этих самых заградительных отрядах (заградотрядах), и вдруг – вот тебе на – неожиданно оказался втянутым в самое пекло этих событий! Ну и дела, я вам скажу... И везёт же мне в жизни – постоянно попадаю в какие-то дурацкие лабиринты.

А по сути, эта проблема существовала ещё с тех древних времён, когда начали конфликтовать между собой различные общественные группы, и вожди этих группировок не гнушались никакими методами борьбы во имя превосходства над соперником. По поводу нравственной стороны этого вопроса существует множество ответов, но не один из них до сего дня не может быть нравственно оправданным и узаконенным. Вопрос этот очень сложный, спорный и трудно доказуемый, так как граничит с интимной стороной человеческой морали, которая не всегда в ладах с нравственными, гражданскими и человеческими законами.

Совершенно понятно, что люди, имеющие конкретное отношение к этой проблеме, будут молчать до своего скончания. Непосредственные исполнители таких приказов, в силу тех же чувств самосохранения, будут молчать. Разумеется, и первые, и вторые являются трусами, но если первые были подотчётны только своей совести, то последние кроме этого были под прессом вышестоящего начальства, и вина их, очевидно, должна делиться с руководством.

Вообще-то нет официальных исторических данных, были ли такие меры приняты при каких-нибудь древних сражениях. Все наши рассуждения на эту тему ограничиваются советским периодом, когда у правительства возникла нехватка кадров для собственной защиты, и оно вынуждено было освободить из тюрем своих идеологических противников и направить их на передовую линию обороны. Коммунисты под страхом превосходящей опасности вооружили миллионы людей, которым никогда не доверяли. Это великое нравственное преступление коммунистов никакими «добрыми деяниями» нельзя оправдать. Они этим людям не верили, но, посылая их на неминуемую смерть, использовали их в своих интересах. Что может быть безнравственнее?!

Именно вот эта неуверенность и заставила коммунистических вождей придумать такой сложный механизм «сжатой пружины» для выдавливания немецких войск из занятых территорий. Разумеется, эта идея родилась в глубине режима и решалась в тайных беседах вождей, но любая тайна в процессе своего воплощения становится полутайной. Это как венерическая болезнь, о которой вслух никто не говорит, но многие догадываются. Этот приказ, как его ещё называли «Ни шагу назад», является генетическим производным философии «честно работающих и халявщиков». В основе этой теории лежит принудительное воздействие на любителей воспользоваться плодами труда той части кооператива, которая честно выполняет свой долг. В человеческом обществе всегда существовали конфликты между честными тружениками и «филонами», не желающими выполнять свои обязанности.

Что касается древних времён, то всем известный Филипп Македонский, отец Александра Македонского, во втором ряду своей разношёрстной наёмной армии ставил отборные части преданной кавалерии, которые заграждали собой передние ряды и не давали им возможность отступить назад. Я не думаю, что именно он был основоположником этой хитрости, но по крайней мере он был уличён в этом историей. Полководец Ганнибал тоже использовал наёмных воинов разных национальностей и религии и не доверял им, поэтому вслед за ними шли преданные карфагеняне, которые подгоняли их вперёд. Даже в древней Индии дезертиров, бежавших с поля боя, побивали камнями или сжигали заживо.

В Советской или Красной армии заградительные отряды, как правило, располагались на поле боя в прямой видимости, в ближнем тылу, на дорогах, на опушках леса и прочих удобных местах для бегства дезертиров и стреляли в спины бегущих назад.

Пишу я вот об этом, и во мне опять, уже который раз заспорили те два человека, которые своей непримиримостью много лет травят мне жизнь.

«Взявший меч от меча и умрёт!» – начал философствовать один из них, тот, который всё знает и «правильно читает» Писание. «Коротко и ясно написано, что тут не понять?!»

«Я вижу – ты очень понятливый, скажи мне в таком случае, от чьего меча он умрёт, тот самый, взявший меч? От своего, что ли? Или кто-то другой опять должен взять меч и умертвить

его?! Следовательно, и этот, второй, должен умереть от чьего-то меча, и таким образом люди по цепочке должны друг друга уничтожить, так что ли?»

Но тот педант, «читающий правильно Писание», настаивал на своём, и спор норовил перейти в ссору.

А Арсен между тем продолжал:

– Ну да, конечно, все хотят чистенькими попасть в рай и сидеть там ангелочками, а кто же за них будет делать всю ту грязную работу, на которую они смотрят, как на бяку? Уж больно всё это похоже на фарс!

И так как я не мог определиться со своими «присяжными заседателями», то вынужден был молчать.

А Арсен всё распалялся:

– Я вижу, все начали рассуждать о высоких материях и стали знатоками Священного Писания, но давайте опустимся чуть ниже и рассмотрим события на этом уровне. Да, Сталин проявил недалёковидность, оказался доверчивым и, как джентльмен, положился на клятвы своего «друга», «врага», «соседа» – Гитлера – и развесил уши, как говорится. В то же самое время его «партнёр» планировал совсем другое и неожиданно напал на Россию. И что советский народ должен был делать – сидеть и рассуждать, кто виноват, или защищать свою родину?! И опять же, допустим, что твой дом загорелся, по твоей ли неосторожности, по вине ли домочадцев – вы будете искать виновного или хватать вёдра и тушить пожар? Точно так же случилось и с нами, и большинство людей отреагировали правильно. Я видел, как гибли и мирные люди, и те, кто им хотел помочь. Теперь ты хочешь сказать, что я должен был закрыть глаза и не замечать тех, кто, спасая свою шкуру, оставлял своих товарищей в беде? Ты этого хочешь?! Сижу я вот возле тебя, без ноги, без здоровья, без... много чего, тебе со стороны виднее, но я горд оттого, что защитил свой народ, свою родную землю и Родину с большой буквы! Да, я не без греха, но я чувствую внутри себя присутствие Живого Бога и полагаюсь на Его суд, а суд людской меня мало интересует!

Я передаю почти дословно прямую речь Арсена, благо он умел и написать, и сказать.

Прошло уже значительное время после его смерти, но я не могу ни опровергнуть его слова, ни поддержать их, единственное, в чём я убеждён, – вся эта людская масса, не достигшая желанного противоположного берега, уходила в последний путь вниз по реке мимо спящих деревень, больших и малых городов и вместе с Волгой впадала в Каспийское озеро. Оттуда уходила в вечность одному только Богу известным путём, так как Каспийское море не сообщается с мировым океаном.

И кто знает, возможно, этот таинственный путь, кроме Бога, знал ещё и Расул Гамзатов, иначе как он мог говорить о том, чего не видел? Послушайте его:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

И кто знает – может быть, и Арсен «в такой же сизой мгле, в тумане, на исходе дня» проплыл в этой стае белых журавлей?

Глава 2

Румынский парень

Боюсь, что могу стать штатным «исповедальщиком», коим «назначил» меня мой друг перед тем, как перейти в мир иной. Очевидно, он хотел снять с себя тяжёлую ношу и переложить её на меня, но не подумал о том, каково будет мне, если вдруг ноша окажется непомерно тяжёлой...

Что тут греха таить, у каждого из нас есть такая слабость – хочется свалить с плеч бремя каких-то забот. А на чьи плечи они упадут – об этом мы не задумываемся. Пусть каждый из вас ответит честно – думал ли он когда-нибудь об этом до прочтения моих слов? Если среди вас окажется хоть один из таковых, то я жму ему руку, хотя и не уверен в том, что это рукопожатие для него что-то значит. Ведь нынешний век славен не рукопожатиями, а рукоприкладством, да уж ладно...

А мой небезвременно ушедший друг, чую, лежит там спокойно и ухмыляется: вот, мол, я его перехитрил, и пусть теперь у него болит голова! И действительно, тогда мне день ото дня легче не становилось, так как спустя какое-то время, он подложил под меня очередную бомбу замедленного действия. Правда, она была старая и ржавая, времён Великой Отечественной войны, но если учесть, что я совсем не сапёр, то опасность мне грозила нешуточная. И пусть это касалось не физического, а духовного состояния, но тем не менее!..

Я понимаю, что дружба подразумевает взаимную помощь, но не до такой же степени! Разумеется, Арсен, свою долю этой взаимной выручки вносил исправно и регулярно. Он оберегал меня от стихийных стрел сонма ратников тоталитарного режима и был для меня крепким щитом, от которого отскакивали эти стрелы. Но его последние «презенты» меня так загрузили, что я уже и не знал, что ещё дальше ожидать.

А у него, очевидно, было другое мнение, он не соизмерял реальные вещи и шёл напролом, как танк. Начал выкладывать свои воспоминания, а у меня и своих хоть отбавляй! Я понимал, что ему их некуда девать, по себе знал, но ведь это не оправдание!.. Я уверен, что он никому до этого не доверял эту тайную сторону своей жизни, возможно, не было такого человека, которому он мог бы излить душу, а возможно, ещё не пришло то время, когда человек начинает думать о своей смерти. Так или иначе, но он меня озадачил и вместе с этим возложил на меня ответственность за свои духовные ценности. И представьте себе – каково человеку, когда он не может и в своих внутренних проблемах разобраться, а ему ещё добавляют чужие?.. Но, однако же, ближе к делу!

Как-то у нас вышел разговор о той войне, о жертвах, о человеческом факторе, о Сталинградской битве и прочих глубоких материях. Обсуждали сложные мировые проблемы, прошли от Гая Юлия Цезаря до Георгия Константиновича Жукова. Почему так, а не иначе? И что представляет из себя тот водораздел, откуда одни реки начинают течь на север, а другие на юг? Где и каким образом возникают мировые идеологии и что первично – сам дух, в недрах которого уже возникают и утверждаются сатанинские лидеры, или, наоборот, сначала рождаются эти аномальные лидеры, и потом они уже создают свои бредовые идеи?

Вспомнили всевозможные толкования возникновения фашизма в Германии, Италии, Испании; поговорили о ефрейторе Адольфе Гитлере, который уже набил изрядную оскомину; о Бенито Муссолини, ученике монашеской школы, педагоге и социалисте, ставшем из шуточного «пикколо дуче» (маленького вождя) настоящим вождём и Первым маршалом империи; о генералиссимусе Франсиско Франко и прочих мировых социалистах-фашистах. Вскользь задели их «еврейство»: полное – Гитлера (Шикельгрубера и Франкенбергера – по одному из

дедов), частичное – испанского диктатора и косвенное – Бенито Муссолини, жёны и любовницы которого преимущественно были еврейками.

Когда речь зашла о представителях других народов, участвовавших в Сталинградской битве, Арсен «вдруг вспомнил» один эпизод из своих боевых будней, который был связан с военнопленным румынского происхождения. Для кого-то может и будней, а для кого-то – важной судьбоносной жизненной трагедией! Давайте послушаем рассказ, и пусть каждый определит сам – что это для него.

* * *

Поручили мне однажды доставить в штаб дивизии какого-то важного пленного. Даже не знаю, почему выбор пал именно на меня. Возможно, я был самый молодой или потому что закончил Ташкентское военное училище командного состава, а может быть, ещё по каким-то другим причинам. Одним словом, почему-почему – не знаю почему, знал только одно: это очень далеко, транспорта никакого не было, а идти надо пешком, и кто согласится на такой подвиг души и тела? Вот и не нашлось желающих на такой марш-бросок, и это «очень ответственное» дело доверили мне – как комсомольцу и кандидату для вступления в партию.

Поручили причём с важным напутствием: что я с честью справлюсь с этим заданием. Ну как же не оправдать доверие высокого начальства и своих старших товарищей по партии? И я козырнул, притопнув ещё и ногой! Меня снабдили всем необходимым: пакетом с секретными документами, винтовкой и по такому случаю выдали бывалый пистолет неизвестного возраста и происхождения, а ещё фляжку с водой и сухой паёк.

Вот мы и тронулись в путь. Впереди мой пленник со связанными руками, за ним – шлейф из протоптанного песка и я – «страж порядка». Вот тебе и оказия, пусть не такая помпезная, как в «Путешествии в Арзрум» Пушкина, но всё-таки чем-то схожая с ней. Вместо заржавелой пушки у меня такое же старинное и ржавое оружие, дороги не очень-то отличаются друг от друга, да и времена тоже военные.

Что касается дорог, то тут разговор особый – степи что там, что здесь мало чем отличались друг от друга, география-то одна! И ещё, если кто-то знает или видел приволжские степи или хотя бы читал повесть А. П. Чехова «Степь», то он поймёт, какая это тяготинына – ехать по степи, а уж идти пешком – это ад земной.

Мы прошли километров пять-шесть, не больше, но такое чувство, будто все двадцать-тридцать. А что же будет дальше?..

– Господи, спаси и сохрани! – взмолился я куда-то вверх.

Погода была знойная, солнце начало припекать, и я старался поскорее закончить этот путь и освободиться, наконец, от этой тяготиныны.

Тьфу ты, я уже говорил это, от этого кошмарного сна, который помимо моей воли мне навязали. Эти приказы, приказы! Да кто их издаёт, сидя там, на мягких креслах?! Хотя попробовал бы кто-нибудь при Сталине или Берии раскрыть рот! А не мешало бы на них исполнить хотя бы один этот «Секретный приказ номер 227». Зато нас тут за дураков держат! Да ещё и этот паршивец перед глазами мелькает – «век свободы не видать», но, видите ли, приказ такой! Шлёпнули бы его сами, да и только! А тут возись с ним, как с малым дитём... Но за неисполнение приказа я точно знаю, что бывает – да я просто-напросто окажусь в положении этого слюнтя, так что надо его толкать и толкать вперёд.

Этот румынский парень, я тебе скажу, какой-то хлюпик – всю дорогу капризничает и треплет мне нервы, а они у меня и так на пределе. Весёленькая ситуация, я тебе скажу. То он остановится, как тот упрямый жеребец, и ни шагу вперёд, приходилось стращать его затвором. А то вдруг возьмёт, да и сядет на придорожный камень, и что-то лепечет, мол, никуда я больше не пойду, делай со мной, что хочешь!

А что я могу с ним сделать, если у меня опять-таки этот поганый приказ – отвести и сдать под роспись? Как вспомню, что мне с этой самой проклятой распиской опять топать назад столько же вёрст – у меня в желудке холодело.

Я вынужден был тыкать его штыком в спину – он встанет, несколько шагов сделает и опять что-то бубнит на своём. Да я в этот момент не то что на своём, армянском, но и на русском языке не хотел выслушивать всё это, а он мне – на румынском! Представляешь моё положение? Хоть вешайся на первом попавшемся суку, но тут и за версту не найдёшь нормальную ветку.

Не знаю, что там у Чехова было с терпением, когда он писал всю эту галиматью – пусть уж мне классик простит, но я к этому времени готов был вычеркнуть эту самую степь вообще из карты, до того она мне осточертела. А время-то идёт...

Понимаешь, я его не только должен доставить до места, но самое главное – вовремя вернуться в свою часть. Сегодня утром, я слышал, что приехал киномеханик, и вечером должны крутить фильмы. И вот теперь из-за этого вот дохляка я должен всё пропустить?! Представляешь, в каком расположении духа я был?

А тут ещё попалась какая-то речушка. Мы её должны были переходить вброд, так он добрался до середины и начал имитировать бегство, вроде того, или утопление... Тут по колено – он лёг на живот и булькает, хочет утонуть там в гальках. Не знаю, какие фильмы будет показывать вечером этот киношник, но тут у меня своё кино, похлеще любого художественного фильма. Я его еле-еле вытолкал из воды, и тут он начал валяться у меня в ногах, как собачонка, вот этого ещё мне не хватало!

Я не ожидал этого, да и сам был в каком-то стрессовом состоянии, не знал, что делать и как быть. С меня лил пот градом, я весь дрожал от злости, усталости и ещё от чего-то непонятного, омерзительно-липкого, которое, как мокрая холодная жаба, дёргалось у меня в груди. Вот у меня и не выдержали нервы... и я его...

* * *

Дальше Арсен не мог говорить, я ждал, и в голове у меня крутились самые разнообразные мысли – и хорошие, и не совсем, и уже совсем плохие.

Я посмотрел ему в глаза и, так как он продолжал молчать, я спросил:

– И ты его?..

Он утвердительно кивнул:

– А что я должен был делать с ним?.. Нести его на своём горбу, или, или... Меня бы расстреляли самого, если бы я его отпустил. Или же мне тоже надо было бежать, как трусу – меня это не устраивало. Теперь вот рассуди, я молодой, вся жизнь впереди, только-только закончил училище, комсомолец, отличник боевой и политической подготовки, патриот, и вдруг вот такое?..

Арсен, как всегда, начал барабанить пальцами по полированной поверхности стола. Задел пиалу с горячим чаем, опрокинул её; мы засуетились и за счёт этого мгновенно отрезвели от этого «ядовитого зелья», которое только что невольно употребили.

Продолжение этой «спецоперации» мне неизвестно, так как мы к нему не возвращались, и я не хотел бы тут сочинять всякие были и небыли. Как развивались дальнейшие события и отразились ли они на его судьбе? Не знаю, я был занят упорядочиванием своих эмоций. Много размышлял на тему услышанного и никак не мог найти алиби своему другу, как ни старался. Прошло уже достаточно много времени после смерти Арсена, но я всё никак этого не могу сделать. Иногда эти оправдания-алиби стоят очень дорого, и за них порой платят большие деньги. А тут – как их купить или продать, когда дело касается дружбы, справедливости, правды и совести?

Вот и представляю я иногда этого румынского парня, балансирующего в тот момент между смертью и жизнью; метущегося между страхом, жаждой жизни и проблесками надежды. Сколько непонятных чувств и переживаний претерпел организм этого, по сути, ещё неокрепшего парня? Иногда мне кажется, что он стоит не перед тем бывшим моим другом, а передо мной – умоляюще смотрит мне в глаза и вдруг простреливает меня каким-то чудовищно-страшным оружием, которое ни с каким огнестрельным сравнить нельзя. Но я почему-то не умираю, а продолжаю жить с этой раной, в глубине которой находится какой-то таинственный осколок.

Не знаю, как жили те, кто отправил его и миллионы таких же парней на мировую бойню, и те, кто их расстреливал... И нам не суждено узнать, какие у них были сердца.

Но пусть каждый из нас, кто очень строг в суждениях, задаст себе вопрос: «А каково же было нашему герою, по сути, тоже ещё ребёнку, когда убил того парня (пусть он и враг), и каково ему с такой незаживающей раной жить на этом свете? Да ещё и без всяких скидок выполнять свои житейские обязанности?». Ведь, по сути, он не варвар какой-нибудь, не оккупант, он всего-навсего наш парень, который защищал свою землю и свой дом от таких вот бандитов.

И мне ли его судить, мне повезло, и я не оказался перед таким выбором! И нам ли его судить, если он сам себя уже осудил по самой высшей мере? Вот в чём заключается человеческая мудрость, а не в том, чтобы уметь перемножать в уме сложные числа.

А тот убиенный парень с того момента пополнил бесконечный ряд без вести пропавших и попал в ту мировую виртуальную братскую могилу, где кроме останков нет ни имён, ни фамилий. В этой безымянной могиле покоятся миллионы затерянных тел, души которых в поисках пристанища до сих пор блуждают между небом и землёй. Их безутешно разыскивают родственники, близкие и любимые.

И я думаю, что нам надо судить не этих парней, которые – один вольно, другой невольно – стали предметом нашего порицания, а их вдохновителей. Нам надо искоренять зло в человеческих душах. Ведь зло зарождается, как маленькая точка, затем разрастается в маленькую звезду, дающую метастазы. Так что матерям, отцам и обществу в целом надо быть внимательными, дабы из маленьких Бонапартиков, Бениточек и Адольфчиков не выросли монстры!

А что касается этой братской могилы, то там, между прочим, находится прах и моего отца, следы которого затерялись в одном из Северо-Кавказских лагерей для политзаключённых. Наша мать долго его ждала, потом столько же оплакивала, а мы, потомки, будем хранить в своей памяти! Всё в этом мире относительно и непредсказуемо.

Ну а этот парень, по воле рока оказавшийся в чужой стране, для кого-то стал героем, для кого-то – врагом, а для вселенной – он всего лишь мизерная частица бытия, которая из одной формы перешла в другую. А мне он метафорически представился вон той бумажной салфеткой, которую Арсен взял из коробки, протёр руки и выбросил в корзину.

Вот истинная суть и великая тайна человека. А вот и духовная аура, превратившая его в поток горьких слёз, капля за каплей стекающих из глаз любимых людей. И всё-таки, тайна сия – велика?..

Глазами ребёнка. Рисунок ученика 7-го класса, Виктора Шанаева

Глава 3 Русская баня

Жизнь, однако, состоит не из одного минора, скажут мне, и будут правы, ведь мажор в нашей жизни бывает так же важен, как поток кислорода.

Расскажу вам ещё один эпизод из той же сталинградской серии, связанный с моим персонажем. Попробую показать с его участием некую сцену из жизни молодого бойца, а вы уж сами будете определять – удалось мне это сделать или нет.

Деревенская баня

В любом случае вы заметите, что рассказчик, насколько был скуп в первых двух случаях, настолько теперь словоохотлив и раскован, очевидно, эта тема ему близка по духу и больше его вдохновляла. А что касается лирического настроения, то я и сам не уверен, мажор это или полумажор, но точно знаю, что это уже позитив, по сравнению с тем, что мы до этого слышали. И вообще, как бы нам не хотелось покритиковать моего героя, нельзя не отметить, что он легко мог перейти от негатива к позитиву, и в этом смысле данный сюжет можно занести ему в актив. Не скажу, что он меня считал потенциальным слушателем своих баек, ну, некоей «спортивной грушей» для отработки боксёрского удара, то бишь своего литературного языка, так сказать. Нет, всё получалось как-то спонтанно и случайно, как следствие удобной комфортной обстановки, располагающей к откровенным интимным беседам.

Однажды в один из таких вечеров у нас зашёл разговор о прелести русской бани, пользе для здоровья и её атрибутах.

Арсен улыбнулся в усы и начал.

* * *

Это было в 1942 году, помню, наш отряд остановился в какой-то деревушке на Волге. А дело шло к концу осени, голубое небо и жёлтое поднебесье создавали в душе чудный колорит – симбиоз небесного и земного. Не зря Пушкин это назвал болдинской осенью, он знал, что говорит! Глядя на всю эту красоту, хотелось и плакать, и петь, и грустить, и радоваться – и всё это одновременно. А ведь неизвестно – чему радоваться-то и от чего тосковать... Кто находился в таком состоянии хоть раз в жизни, тот меня поймёт и не будет смеяться.

Перед этой небесной красотой умолкли даже пушки. И что меня больше всего поразило – казалось бы, откуда им взяться в такое роковое время? Но на вечернем небе я заметил ту живую, пульсирующую стрелу, которую ни с чем нельзя перепутать, жаль только, до меня не доходили их крики. Они, конечно, летели на юг, а я оставался здесь, у стен покосившейся избушки с копной обветшалой соломы вместо крыши.

Нас распределили по хатам, и я не знаю, кто куда попал. Меня приютила семья из двух женщин. Одна лет сорока, очевидно, мать, а другая, вдвое моложе – дочь. Мужчин в доме, конечно же, не было – ведь война идёт! Обыкновенные на первый взгляд женщины, ничем не приметные, которых кругом полным-полно и мы их не замечаем. А может быть, мы просто не присматриваемся и не всегда заглядываем женщине в душу, где именно и живёт её красота? Смотрим на серую телогрейку, стоптанные туфли или сапоги, на съёжившуюся фигуру. А что за ними таится, это разглядеть недосуг – нам подавай яркие размалёванные мордашки. Однако ведь, что под этой штукатуркой хранится, мы тоже не ведаем...

Но, я тебе скажу, совсем другое дело – в домашней семейной обстановке, именно здесь раскрывается женщина во всей её правде и неправде. И вот, перешагнув порог этого дома, я совершенно неожиданно попал в иной мир, то есть отличный от того, который готовился встретить. Книжные полки, пианино, над которым висел Моцарт – да-да, тот самый композитор; на полу – дешёвые, но чистые хлопчатобумажные дорожки. Что ещё? Да много чего, что удивило меня.

Оказалось, я попал к учительнице – и музыки, и русского языка, и всего на свете. И действительно, никто не знает, где солнце спит! Я с облегчением вздохнул и уже знал, что проведу время не только культурно, но и сытно, в чём, скажу честно, до этого сомневался. Мои надежды оправдались с лихвой, это я понял, когда меня пригласили к столу. Такой тихой, уютной и желанной обстановки я никогда ещё в жизни не встречал, даже в то, мирное, время.

Ну а после плотного домашнего ужина и рюмки какой-то ароматной цветочной настойки я в этих женщинах разглядел не только гостеприимных хозяек дома, приютивших меня по

долгу и необходимости, но очень даже прекрасных и симпатичных особ женского пола. «Вот он где – путь к сердцу мужчины», – вспомнил я народную мудрость.

Ещё через какое-то время они вообще превратились в красавиц. Я смотрел на них с удивлением и никак не мог понять ни себя, ни их, ни того, что со мной происходит, я окончательно обалдел – глупее не бывает! Я сидел «кумом короля», а напротив меня – королева с пышными, гладко зачёсанными назад волосами, посередине которых линией судьбы был прочерчен пепельный пробор. Чистый гладкий лоб и два полумесяца бровей под цвет тёмных волос. Но удивительнее всего оказались два огонька, которые время от времени источали бриллиантовые лучи. Цвет этих глаз нельзя было определить точно, так же, например, как и цвет солнца. Эти прожекторы просматривали меня, пронзали насквозь и, как некогда материнские, спрашивали: «Ну и что ты получил за вчерашнее сочинение?».

Я сидел, как и тогда, молча, боялся спугнуть этот прекрасный миг, но, когда опустил голову ниже небольшого ровного носа и свежих лепестков губ, то и вовсе оказался в волшебном царстве грёз, описывать который надо особо. И вообще, женская грудь, после чела и ног, в моём воображении занимает особое, привилегированное место. Очевидно, что лицо со всеми его нюансами есть зеркало души и источник всей информации о женщине, ну а что такое геометрия женских ног – каждому мужчине известно, и это даже не подлежит обсуждению. А вот женские груди, которые, в отличие от лица и ног, глубоко сокрыты, являются источником всех тайн, вложенных в неё природой. Женщина своё лицо, так или иначе, может показать, ноги – тоже, а вот груди – это та вершина, покорить которую не каждый сможет!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.